

А. Н. ЛУРЬЕ

Поэтический эпос революции

<Фрагменты>

Концепция революции как мощного взрыва разрушительной стихии получила своеобразное преломление в поэзии Максимилиана Волошина. В его творчестве после Октября главенствуют историко-философские проблемы, и это приводит М. Волошина к интенсивной разработке жанра поэмы. Разительные изменения происходят и в его стиле. Обращение к социальной проблематике освобождает стихи М. Волошина от отвлеченной религиозно-мистической и антропософской метафористики. Поэта привлекает теперь мир конкретных, вещных и зримых явлений. В стихах М. Волошина утверждается страстная патетическая, проповедническая интонация (недаром одна из его поэм посвящена протопопу Аввакуму).

В годы мировой войны, когда многие русские поэты оказались во власти шовинистических идей, М. Волошин переживал острое чувство боли за судьбу людей в братоубийственной войне:

Не знать, не помнить и не видеть...
Застыть как соль, уйти в снега!
Дозволь не разлюбить врага
И брата не возненавидеть*.

После победы Октября поэт остался на той же абстрактно-гуманистической позиции в оценке исторических событий. М. Волошин, как писал И. Эренбург, «погрузился в русскую историю и в свои раздумья. Понять революцию он не смог, но в вопросах, которые он ставил, была несвойственная ему серьезность»**. В неоконченных поэмах «Дикое

* *Волошин М. Anno mundi ardentis, 1915. М., 1916. С. 18¹.*

** *Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга первая и вторая. М., 1961. С. 188.*

поле» * и поэт, обратившись к материалу русской истории, пытался понять смысл происходящего и догадаться о будущем родной страны. М. Волошину представляется извечным противостояние варварства и анархической стихии, с одной стороны, культуры и цивилизации — с другой, как извечен в истории человечества круговорот возвышения и падения народов и государств: «Есть дух истории — близкий и глухой, что действует помимо нашей воли...»² («Россия»). Попытки вмешаться в ход истории, изменить его, подчинить человеческой воле и мысли ведут лишь к насилию, жестокости и произволу, в этом поэта убеждает русская история: «В анархии — все творчество России: Европа шла культурой огня, а мы в себе несем культуру взрыва...». Насилием над историей представляется поэту дело Петра. После Петра правители страны «клыками рвут российское наследство», Россию «гноят в острогах и походах», «народ цивилизуют под плетьюми и обучают грамоте в застенке»³. XIX век не принес облегчения. М. Волошин создает выразительный сатирический образ одного из тех, чья «мрачная фигура встает над Русью» в первой четверти века:

...форменный мундир,
 Бескровные щетинистые губы,
 Мясистый нос, солдатский узкий лоб,
 И взгляд неизреченного бесстыдства
 Пустых очей из-под припухших век.
 У ног его до самых бурных далей
 Нагих равнин — казарменный фасад
 И каланча: ни зверя, ни растенья...
 А надо всем солдатскою шинелью
 Провис до крыш разбухший небосвод.
 Таким он был написан Джорджем Доу...**

Здесь поэт не столько следует за художником Джорджем Доу, запечатлевшим черты Аракчеева, сколько за Щедриным, создавшим образ Угрюм-Бурчеева. Реминисценции из «Истории одного города» совмещаются с реминисценциями из блоковского «Возмездия»: «Его посев взлелеял Николай, десятки лет удавими глазами медузивший засеченную Русь». С глубоким сочувствием пишет М. Волошин о передовой интеллигенции, принесшей неисчислимы жертвы в борьбе за свободу народа, но в то же время он утверждает, что, вызвав к жизни дух разрушения и народного гнева, интеллигенция

* См.: «Наши дни», альманах, I, 1922. С. 113–115.

** Волошин М. Россия // «Недра», кн. 6, М., 1925. С. 76⁴.

сама стала жертвой этой необузданной стихии: «Но пасынок, изгой самодержавья — / и кровь кровей, и кость его костей — / он вместе с ним в циклоне революций / размыкан был, растоптан и сожжен...» («Россия»). Революция представляется М. Волошину делом интеллигенции, вызвавшей к жизни уснувшую было разрушительную народную стихию. Круг истории замкнулся. Страна оказалась перед пропастью.

Поэмы М. Волошина остались неоконченными⁵, их автор не видел перспективы, не представлял, что же предстоит в будущем. Оно лишь страшило поэта (см. концовку поэмы «Дикое поле»).

Народ в представлении М. Волошина — единая, неизменная, замкнутая в себе, непонятная могучая стихия. Неверие в творческую силу трудовой массы, страх перед революционной энергией народа — таков источник исторического пессимизма и фатализма М. Волошина, пример которого знаменателен: антиисторическая субъективистская трактовка проблемы народа оказывалась творчески несостоятельной.

* * *

Стихия революции страшила поэтов декадентского толка, которые пытались оценить революционную действительность с точки зрения отдельной личности, абсолютно обособленной в ее внутреннем мире от окружающей среды. Такая самоизоляция способствовала утверждению пессимистических идей и представлений, трагическому мироощущению одинокого человека, окруженного в мировой пустыне мистическими тайнами и загадками*.

Используя религиозные и мистические мотивы и символы в их внеисторическом, абстрагированном от действительности значении, фантазируя на темы, связанные с библейскими и евангельскими сюжетами, эти поэты создавали «апокрифы» нового времени, в которых выражали свое восприятие революции**. Неверие в человека, отказ

* См.: *Липавский Л.* Диалогическая поэма. — Альманах цеха поэтов, кн. 2. Пгр., 1921; *Вагинов К.* Поэма. — Альманах «Ковш», кн. 1. Л., 1925; *Галати Е.* Гибель. — Альманах «Кольцо», кн. 1, 1922; *Скорбный А.* Via Dolorosa. Поэма. Пгр., 1922; *Бенар Н.* Поэма о дальнем плавании. — В ее кн.: Корабль отплывающий. М., 1922; *Ковалевский В.* Плач. Поэма. 1920; *Савич О.* 1) Белые пустыни. Поэма. — Альманах «Свиток», кн. 1. М., 1922; 2) Поэма сна и ночи. — Альманах «Свиток», кн. 2. М., 1922, и др.

** См.: *Волков П.* Первое отречение. — Альманах цеха поэтов, кн. 2, Пгр., 1921; *Карпов П.* Заклятый цветок. Отверженец. — В его кн.: Русский ковчег, М., 1922, и др.

от гуманистической позиции неизбежно приводил их к представлению о гибельности пути, на который вступил революционный народ.

Лишь немногие из поэтов-декадентов стремились осмыслить современность в философско-историческом аспекте. Показателен в этом отношении опыт Максимилиана Волошина, в творчестве которого послеоктябрьские произведения оказались наиболее значительными. «Поэт, — пишет М. Волошин, — должен занять такую перспективную точку зрения, откуда он мог, бы увидеть *всю современность сверху, целиком, включенную в общее нарастание истории, как один из связанных актов человеческой трагедии*»*. Это творческое задание М. Волошин пытался реализовать в книге поэм «Путями Каина», созданной в 1922–1923 годах и частично опубликованной**. Пафос и смысл этой книги подчеркнут в подзаголовке: «Трагедия материальной культуры». Волошин утверждает, что существует неразрешимое трагическое противоречие между гигантским ростом материальной культуры и властью человека над силами природы, с одной стороны, и моральной деградацией человечества — с другой. В результате человечество оказывается под гнетом им же созданной материальной культуры, бессильным перед стихиями социального бытия:

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком, —
Опаснейшим и злейшим из зверей, —
Безумным логикой и одержимым верой...
...Преобразил весь мир, но не себя, —
И стал рабом своих же гнусных тварей***.

Таким образом, проблему личности поэт ставит в зависимость от социальных отношений и рассматривает их в историческом аспекте. Но при этом он приходит к пессимистическим выводам, отрицая исторический прогресс и возможность социальной гармонии.

Лишенные фабульного начала, поэмы М. Волошина строятся на единстве синтезирующей поэтической мысли, в орбиту которой входит

* Волошин М. Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы. М., 1919, с. 16 (подчеркнуто мною. — А. Л.).

** См.: «Недра», кн. 2. М., 1923; кн. 5. М., 1924; «Красная новь», 1922, кн. 3; Волошин М. Anno mundi ardentis. 1915. М., 1916. С. 54–56. — В рукописной копии книги, любезно предоставленной мне профессором В. А. Мануйловым, 15 поэм: «Мятеж», «Огонь», «Магия», «Кулак», «Меч», «Порох», «Пар», «Машина», «Бунтовщик», «Война», «Космос», «Таноб», «Государство», «Левифан», «Суд»⁶.

*** Волошин М. Из цикла «Путями Каина». — «Недра», кн. 2. М., 1923, стр. 212–213 (подчеркнуто мною. — А. Л.).

множество исторических явлений, получающих обобщающее значение, в философско-публицистическом стихотворном повествовании. Цикл поэм открывается стихами, в которых отчетливо звучит мысль о том, что развитие человеческого сознания — сложный противоречивый процесс: «Вначале был мятеж, / мятеж был против бога / и бог был мятежом. / И все, что есть, / началось чрез мятеж». Метафорический образ мятежа включает в себя представление о творчестве человека в природе, о неутомимых исканиях мысли: «Мир — лестница, по ступеням которой / шел человек... И каждая ступень / была восстаньем творческого духа»⁷.

Косной материи противостоит духовное начало, воплощенное в человеке, и поэт славит дерзновенную творческую мысль. Но уже в первые поэмы цикла, где ставится тема «Человек и природа», врывается другая, социальная тема и остро звучит тревога за судьбы человечества. Игнорируя научное объяснение господствующих в классовом обществе сил и отношений, Волошин мифологизирует социальные стихии; человек, «нарушая силы / извечных равновесий вещества, / сам делается в их руках игрушкой». Дерзость человека в отношении к этим скрытым от его взора силам оборачивается чудовищными трагедиями взаиморазничия людей, овладение силами природы ведет человечество к хищничеству, и природа мстит за это «тысячелетями рабства и насилий». В трагическом по своей сути первом шаге Каина, как в зародыше, было уже все то, что характеризует современный сложный и противоречивый мир. И, может быть, высшим и самым дерзким проявлением человеческих стремлений, взрывом «извечных равновесий вещества»⁸ окажется негодование народных масс, их стремление к социальной справедливости:

Когда из пламени народных мятежей
Взвывается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство, иль смерть!», —
Его древко зажато в кулаке
Твоем, первоубийца Каин!*

Просматривая ретроспективно жизнь человеческого общества, М. Волошин приходит к выводу, что от века к веку трагические противоречия не только не сглаживаются, а наоборот, безмерно усугубляются и необычайно осложняют судьбу человечества: «В кулачном праве выросли законы / прекрасные и кроткие в сравнении / с законом пороха и правом пулемета»¹⁰.

* Там же. С. 222⁹.

Самые горькие слова вырываются из-под пера поэта, когда он обращается к новейшему времени. Машинизированный и механизированный буржуазный мир обезличивает и лишает людей духовного содержания:

Машина научила человека
 Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
 Она ему наглядно доказала,
 Что духа нет, а есть лишь вещество...
 Что идеал —
 Благополучие и сытость,
 Что есть единый мировой желудок,
 И нет иных богов, кроме него¹¹.

Предельно острым негодованием пронизаны строки о войне, которая показана Волошиным как самое дикое и омерзительное проявление бесчеловечности, как порождение злобы, жадности, своеволия и безразличия к человеку. В памяти поэта свежи были недавние кровавые события войны 1914–1918 годов. Чудовищная реальность всемирной бойни предстает под пером Волошина как страшный миф, в котором «коленчатые гады», «железные пауки», «драконы», извергавшие снопы огня, «рыбы», метавшие «икру смертельную» в морях и реках, «ящеры крылатые», «разрывные и огненные яйца», «тучи насекомых», которые «в телах людей горючие личинки оставляли», — все эти «полчища исчадий» «снедь человечью жалили, костили, / давили, рвали, жгли, жевали, пожирали... / И никогда подобной пляски смерти / не видел исступленный мир»¹². В таком отстраненном, фантазмагорическом изображении войны воплощены не только гнев и отвращение поэта к бессмысленному истреблению людей, но и недоумение перед силами зла, как бы стоящими над людьми силами, которые вызваны к жизни самим человечеством.

Поэт решительно говорит «нет» этому бесчеловечному миру. Но что же дальше? Куда зовет Волошин? Он видит, как в недрах буржуазного общества растет революционный протест, но отрицает возможность какой бы то ни было социальной справедливости на земле и поэтому решительно отвергает революционную гражданскую войну, пытается оспорить социалистические идеалы, которые ему кажутся несбыточными. «Нет братства в человечестве иного, / как братство Каина. / Кто связан кровью еще тесней, / чем жертва и палач? / Нет равенства — есть только равновесье»¹³. Это-то равновесие изредка и нарушается взрывами народных восстаний, которые по существу ничего не могут изменить. В будущем поэт предвидит только чудовищные катаклизмы, гибельные катастрофы. Но было бы ошибочно причислять Волошина

к тем безысходно мрачным поэтам, которые, разуверившись во всем, воспевают смерть и приветствуют ожидаемую гибель человеческой цивилизации. Поэт гуманистического пафоса, он не просто отвергает бесчеловечный буржуазный мир, но отвергает его — и это главное — во имя освобождения человека от духовного рабства. Власти вещей и денег над человеком поэт противопоставляет радость творческого труда на благо людей (поэма «Пар»). Цикл поэм «Путями Каина» проникнут глубоким преклонением перед великими достижениями человеческого гения, покоряющего природу, вторгающегося во Вселенную, создающего из века в век неповторимые духовные ценности.

Но, отрицая пути к социальной гармонии, Волошин приходит к безысходности, к замкнутому в себе миру отдельной личности, пребывающей на земле лишь мгновение. Остается только «свободная воля» человеческой индивидуальности. К ней и обращается поэт.

Волошин противоречив. С одной стороны, он высмеивает христианский аскетизм и отвергает евангельские заповеди. С другой стороны, Он грозит «Страшным судом». С одной стороны, мир у него неотвратимо идет к своей гибели, а с другой — поэт призывает к пробуждению самосознания личности, глубоко верит в силу духовного начала в человеке: «Пересоздай себя!»¹⁴. Современный человек в массе своей, по Волошину, это «нищий с оскопленной душой, с охолощенным мозгом»¹⁵, и в подавлении духовного начала — трагедия его сознания, но он же — творец всех чудес на земле, носитель творческой мысли. Общество создало мощную, единую организацию, действующую как механизм. Эта общественная организация, как и всякий порядок и дисциплина, вызывают у Волошина недоверие и отвращение, поскольку служат, по его представлению, подавлению личности, лишают духовной свободы. Но тут же поэт обращается к человеку как носителю этой свободы. Общество предстает как «Каиново братство», в котором извечно противостояние раба и господина, но одновременно Волошин говорит о великой радости творить для других, отдавать другим всего себя, служить общественному благу.

Защита духовных и нравственных ценностей с точки зрения отдельной личности, противостоящей природе и обществу, неизбежно ведет к анархическим выводам. Единственное, что остается — это самоизоляция, уход в свой внутренний мир в тщетной надежде сберечь в неприкосновенности свое духовное содержание и утвердить свое личное, индивидуально неповторимое мировосприятие:

Так будь же сам вселенной и творцом,
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.

Будь дерзким зодчим вавилонских башен
Ты, заклинатель Сфинксов и Химер¹⁶.

Пример М. Волошина свидетельствует, насколько бесперспективна позиция абстрактного гуманизма. Будущее представляется поэту пучиной небытия. Трагедия мира, как ему кажется, неразрешима. Эта мистическая трактовка реальных жизненных процессов накладывает на книгу «Путями Каина» неизгладимую печать.

<1975>

